

УДК 341.171

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.14>

Я. И. Лебедева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ВЕНГРИИ

В статье рассматривается история и современное состояние взаимодействия права ЕС и конституционного права Венгрии. Последовательно изучаются подходы к такому взаимодействию, сложившиеся на национальном и наднациональном уровне. В рамках исследуемой проблематики затрагиваются вопросы общей модели взаимодействия международного права и внутригосударственно-правовых традиций. Рассматривается процесс вступления государства в Европейский союз и соответствующие конституционные изменения: положение о наделении компетенции; клаузула о национальной идентичности; правила сотрудничества между парламентом и правительством; уточнение статуса и компетенции Национального банка; новые избирательные правила; а также конституционные изменения, принятые позднее в рамках имплементации Рамочного решения Совета ЕС о европейском порядке на арест. Отмечена излишняя политизированность процесса вступления государства в Европейский союз, который должен подчиняться строгим юридическим критериям наличия стабильных институтов, гарантирующих демократию, верховенство права и права человека. Отдельное внимание уделяется Основному закону 2010 г., принятие которого знаменует фазу аксиологического противостояния конституционного правопорядка Венгрии и основополагающих ценностей Союза. В данной связи Европейская

комиссия обращается в Суд ЕС с многочисленными исками, которые направлены на решение точечных проблем более общей ситуации отхода от европейских ценностей. Венгрия наряду с Польшей также становится первым государством, в отношении которого была возбуждена процедура явной угрозы серьезного нарушения ценностей. Указанный конфликт стал одной из причин создания новых правовых механизмов, связанных с защитой таких ценностей: рамочной процедуры борьбы с системными угрозами верховенству права; механизма верховенства права и механизма обусловленности верховенством права. Делается вывод о том, что характер и степень политического давления, которое осуществляется Европейской комиссией в отношении Венгрии, ставит под сомнение саму целесообразность участия последней в проекте европейской интеграции.

Ключевые слова: Европейский союз, Венгрия, демократия, верховенство права, права человека, национальная идентичность, конституционная реформа, конституционные ценности, правовая аксиология, правосознание.

Для цитирования: Лебедева Я. И. Взаимодействие права Европейского Союза и конституционного права Венгрии // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 479–490. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.14

Yana I. Lebedeva

INTERACTION OF EUROPEAN UNION LAW AND HUNGARIAN CONSTITUTIONAL LAW

The article examines the history and current state of interaction between EU law and Hungarian constitutional law. Approaches to such interaction that have developed at the national and supranational levels are consistently studied. The issues of the general model of interaction between international law and domestic law in Hungary, which is based on dualistic traditions, are touched upon within the framework of the studied issues. The process of the State's accession to the European Union and the corresponding constitutional amendments are considered: the provision on the granting of competence; the national identity clause; the rules of cooperation between the Parliament and the Government; clarification of the status and competence of the National Bank; new electoral rules; as well as constitutional amendments adopted later as part of the implementation of the EU Council Framework Decision on the European Arrest Warrant. The excessive politicization of the process of the state's accession to the European Union, which must comply with strict legal criteria for the existence of stable institutions that guarantee democracy, the rule of law and human rights, was noted. Special attention is paid to the Basic Law of 2010, the adoption of which marks a phase of axiological confrontation between the constitutional order of Hungary

and the fundamental values of the Union. In this regard, the European Commission appeals to the EU Court with numerous lawsuits aimed at solving the point problems of a more general situation of departure from European values. Hungary, along with Poland, also becomes the first State in respect of which a procedure was initiated for a clear threat of serious violation of values. This conflict has become one of the reasons for the creation of new legal mechanisms related to the protection of such values: the framework procedure for combating systemic threats to the rule of law; the mechanism of the rule of law and the mechanism of conditionality by the rule of law. It is concluded that the nature and degree of political pressure exerted by the European Commission against Hungary casts doubt on the very expediency of the latter's participation in the European integration project.

Key words: European Union, Hungary, democracy, rule of law, human rights, national identity, constitutional reform, constitutional values, legal axiology, legal conscience.

For citation: Lebedeva Ya. I. Interaction of European Union law and Hungarian constitutional law // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 479–490. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.14

Первая Конституция Венгрии являлась частью Закона XX, принятого в 1949 г. [11]. В силу принадлежности к социалистическому блоку Венгрия исторически придерживается модели инкорпорации международных договоров. В процессе конституционных реформ был принят Закон № XXXI 1989 г. [12], который вносил изменения в конституцию государства. Согласно новой редакции статьи 7 Основного закона «правовая система Венгерской Республики принимает общепринятые положения международного права, а также обеспечивает согласованность принятых требований международного права и права внутреннего». Данное нововведение подтвердило самоисполнимый характер (прямое действие) «общепринятых положений международного права», несмотря на неясность содержания указанного термина. Конституционным судом было признано, что такие положения являются частью самой конституции [51, о. 160]. Тем не менее, в силу дуалистических традиций венгерские суды крайне редко ссылаются в своих решениях на подобные положения [50, р. 264].

В отношении международных договоров дуалистическая модель продолжает действовать до настоящего времени. В 2005 г. Конституционный суд Венгрии подчеркнул, что осуществление инкорпорации необходимо, чтобы не наносить ущерба конституции [45]. Большое количество международных договоров не инкорпорируются, а значит – остаются исключительно международными обязательствами венгерского государства. Они не могут применяться в спорах между частными лицами в национальном суде. Однако, на государственных органах (в том числе – судах) лежит обязанность как можно более полно обеспечивать согласованное толкование конституции и международных договоров, что прямо вытекает из смысла статьи 7.

Принятие акта инкорпорации является полномочием Национального собрания Венгрии, которое реализуется в рамках обычной законодательной процедуры. В Решение № 7/2005 Конституционный суд заявил, что также обладает полномочиями решать, действует ли норма международного договора во внутрисударственном правопорядке [45]. Неопределенность в отношении статуса международных договоров приводит к тому, что суды ссылаются только на акты инкорпорации и крайне редко обращаются к тексту неинкорпорированных международных договоров [50, р. 260].

В контексте общего понимания модели действия международного права во внутрисударственном праве Венгрии важное значение имеет решение Конституционного суда, принятое в 1997 г. [42]. По мнению Суда, полномочия по конституционному контролю в отношении законов могут быть расширены до рассмотрения вопроса о

действии международных договоров. Признание договора неконституционным ведет к отмене акта об инкорпорации, что знаменует собой утрату действия международного договора во внутрисударственном праве. На практике Конституционный суд приостанавливает производство по таким делам на разумный рок с целью дать законодателю возможность согласовать международные обязательства и внутреннее право. Как было указано выше обеспечение такой согласованности является конституционной обязанностью государственных органов. Таким образом, Суд подтвердил приоритет национальной конституции, а также действие дуалистического принципа *lex posteriori derogat priori* в конституционной системе Венгрии.

Вторая серия крупных конституционных изменений была принята в 2002 г. в преддверии вступления в Европейский союз. Наличие в указанном государстве дуалистической модели могло существенно осложнить действие права Европейского союза, которое основано на принципиально иных началах. В решении по делу *Van Gend en Loos* 1963 г. Суд справедливости указал, что Сообщества «представляют собой новый правопорядок международного права» [20]. Данный порядок должен иметь иные квалификационные характеристики в отношении действия права в национальном правовом порядке. В рамках рассмотрения указанного дела было предложено три возможных подхода в отношении таких характеристик [57]. Среди них особенно выделялась система, существовавшая в конституционной традиции Нидерландов, – монистическом государстве, которое в наибольшей степени открыто международному праву [50, р. 179-220].

В рамках указанного подхода предлагалось обеспечить:

- 1) применение национальными судами норм права Сообществ в конкретных делах (юрисдикционная защищенность);
- 2) верховенство права Сообществ, в том числе в отношении конституции и вне зависимости от времени принятия акта;
- 3) предоставление Суду Европейских сообществ исключительной возможности определять иные аспекты действия коммунитарного права.

В последнем случае Суд настаивал на том, что нормы права Сообществ в максимальной степени должны быть интегрированы в национальное право государств-членов. В решении по делу *Costa v. ENEL* 1964 г. указанная степень интегрированности была выражена формулой «правовая система Сообществ является неотъемлемой частью правовых систем государств-членов» [21, пункт 3]. Кроме того, в решении по делу *Van Gend* было провозглашено, что субъектами правопорядка Сообществ «являются

не только государства-члены, но и их граждане», которые «могут ссылаться при наличии спора между частными лицами в национальном суде на нарушения... обязательств» [21, пункт 4]. Иными словами, положения права Сообществ, которые являются безусловными и довольно четкими, обладают прямым действием, а в терминологии доктрины международного права – являются самоисполнимыми.

На протяжении истории своего существования Судом справедливости было вынесено значительное число решений, которые «прицельно били» по конституционным дуалистическим системам. Одним из первых таких дел становится *Internationale Handelsgesellschaft*, которое было рассмотрено в 1970 г. В данном решении делается вывод о том, что действие права ЕС в правовом порядке государства-члена может рассматриваться только в свете самого права сообщества [19, пункт 3]. Это предполагает, что государства лишаются возможности оценивать наднациональные нормы на соответствие конституции, в том числе «конституционному ядру», под которым понимаются основные положения о правах человека, предусмотренные в конституции, а также основополагающие принципы конституционной структуры. Указанный запрет был установлен с целью обеспечить эффективность и единообразие права ЕС. В последующем Суд неоднократно повторял данную правовую позицию. В деле *Melloni* 2013 г. Суд указал, что «нормы национального права, даже конституционного порядка, не могут быть допущены к подрыву эффективности права ЕС на территории государства» [27].

Дело *Simmenthal* 1978 г. было прямо направлено на устранение дуалистического принципа *lex posterior derogat priori* как способа разрешения коллизий между правом Сообществ и национальным правом [18, пункт 59]. Суд указал, что национальный суд обязан обеспечить полную реализацию права Сообществ, даже если позднее будет принят национальный закон, вступающий с ним в противоречие. Для Италии, в отношении которой было вынесено решение по делу *Simmenthal*, данная позиция Суда справедливости имела далеко идущие последствия, поскольку она позволяла национальным судьям вплоть до первой инстанции прямо игнорировать не только конституцию, но и многовековую конституционную культуру ее применения. В деле *Lucchini* 2007 г. было установлено, что даже такой важный принцип европейской конституционной традиции как *res judicata* не подлежит применению в случае противоречия праву ЕС [16].

В деле *Mangold* 2005 г. Суд вновь установил приоритет права ЕС над закрепленными в Конституции правами человека [22]. Кроме того, еще с 1970-х гг. в делах Суда справедливости начали формироваться собственные правовые подходы

в отношении прав человека, которые заимствовались из международных актов и конституционных традиций государств-членов. Со временем они получают название «общих принципов права ЕС», кодификация которых получила воплощение в Хартии ЕС об основных правах [15]. В настоящее время считается, что уровень защиты прав человека в праве ЕС достиг такого предела, что национальным судам весьма трудно отказать в его применении со ссылкой на конституционный каталог прав и свобод.

В Заключении 1/91 Суд справедливости совершил очередной прорыв в той роли, которую приобретает коммунитарное право по отношению к конституционному праву государств-членов. Суд прямо указал, что учредительные договоры, «хотя и заключены в форме международного соглашения, тем не менее, составляют конституционную хартию, основанную на верховенстве права» [24, пункт 21]. Таким образом, учредительные договоры взяли на себя роль конституции нового политического пространства. В данной связи можно говорить о возникновении на европейском пространстве многоуровневого конституционализма [60, 61, 62]. В более поздних решениях по делам *Kreil* 2000 г. [23] и *Michaniki* 2008 г. [17] было подтверждено, что право ЕС имеет приоритет над любой нормой, даже имеющей конституционный статус.

В отношении диалога с конституционными судами позиция Суда ЕС кажется еще более радикальной. Уже в деле *Costa v. ENEL* Суд продемонстрировал, что он обладает автономией в отношении позиции Конституционного суда Италии [38]. Суд ЕС имеет право получать прямые запросы от любого национального суда (статья 267 ДФЕС). Конституционный суд не имеет права каким-либо образом препятствовать этому (дело *Križan* 2013 г.) [28]. Конституционный суд, являясь одним из высших судов, решения которого не подлежат обжалованию, не только может, но и обязан обратиться в Суд справедливости в случае наличия аналогичных сомнений в толковании права ЕС (абзац 3 пункта «b» статьи 267). Национальные суды не применяют противоречащие праву ЕС положения национального права, даже если Конституционный суд оставил их в силе, как было установлено в делах *Filipiak* 2009 г. [31] и *Winner Wetten* 2010 г. [32].

Таким образом, в основе взаимодействия права ЕС и конституционного права государств-членов была взята теория монизма, которая длительное время разрабатывалась австрийским ученым Гансом Кельзенем [3, с. 388-420]. Согласно данной теории, международное и национальное право представляют собой единое целое, а их иерархия является строго вертикальной. Роль национальной конституции низводится до одной из иерархических ступеней. При этом в праве ЕС

последовательно игнорируются не только отдельные конституционные нормы, но и сама ценность конституции, заложенная в ее базовом ядре, а также конституционные традиции европейских государств. По этой причине нидерландский исследователь М. Клэс (M. Claes) утверждает, что позиция Суда в отношении национальной конституционной структуры является «довольно грубой и безжалостной» [50, p. 185].

Переходя к конкретным положениям венгерской конституционной реформы 2002 г., в первую очередь, следует рассмотреть положение «о наделении компетенцией» (статья 2/A), которое гласило следующее:

«В силу договора Венгерская Республика в качестве государства-члена Европейского союза может осуществлять определенные конституционные полномочия совместно с другими государствами-членами в той мере, в какой это необходимо в связи с правами и обязанностями, предусмотренными договорами об учреждении Европейского союза и Европейских сообществ (далее именуемый «Европейский союз»); эти полномочия могут осуществляться независимо и через институты Европейского союза.

Ратификация и обнародование договора, упомянутого в части 1, подлежат одобрению большинства в две трети голосов парламента».

Кроме того, в конституцию были внесены классические для вступления в ЕС изменения, такие как уточненное определение статуса и полномочий Национального банка; установлены правила сотрудничества между парламентом и правительством по вопросам европейской интеграции; а также предусмотрены новые избирательные правила в преддверии выборов в Европейский парламент и в муниципальные образования, к которым были допущены все граждане государств-членов Сообществ. Небольшое изменение также было внесено в декабре 2007 г., которое было направлено на подтверждение принципа *nullum crimen nulla poena sine lege* в преддверии вступления в силу положений о европейском ордере на арест [13].

Конституционный суд Венгрии не был особенно многословен в отношении толкования статья 2/A. В 2006 г. он указал, что данная статья «определяет условия и рамки членства Венгерской Республики в Европейском союзе, а также статус права Сообщества в системе источников венгерского права» [39]. В 2008 г. Суд указал, что осуществление полномочий является только совместным, а объем таких полномочий – ограниченным. Суд указал на то, что они реализуются «в объеме, необходимом для осуществления прав и выполнения обязательств, вытекающих из учредительных договоров Европейского союза» [39].

В указанной позиции примечательно то, что конституция оставляет суверенные полномочия (а значит и суверенитет) за Венгрией, что прямо противоречит толкованию передачи полномочий

как фундаментального принципа права Европейского союза (*principle of conferral*). Согласно указанному принципу, учредительные договоры, а не национальная конституция является основой передачи полномочий (пункт 2 статьи 5 ДЕС). При этом государство не просто разделяет с другими определенными суверенными полномочия, а именно их «предоставляет, передает» (*confers*). В данной связи сохраняется дискуссия в отношении того, обладает ли после этого государство абсолютным или все же относительным суверенитетом [9].

По нашему мнению, данная дискуссия носит сугубо теоретический характер и не оказывает значительного влияния на порядок реализации Европейским союзом предоставленных ему полномочий. В действительности, реализация полномочий «совместно с другими государствами-членами» не является общим правилом, как на том настаивает Конституция Венгрии. Так, многие полномочия реализуются исключительно Союзом, в том числе в таких сферах, как таможенный союз и общая торговая политика (пункт 1 статьи 3 ДФЕС); Союзом и государствами-членами – по вопросам окружающей среды, защиты потребителей, транспорта и др. (пункт 2 статьи 4), при этом компетенция делится между каждым государством-членом и Союзом, а не между ними. Лишь в некоторых случаях, когда компетенция остается за государствами-членами, она осуществляется ими самостоятельно или при координирующей роли институтов Союза (пункт 1 статьи 5).

Таким образом, «европейская клаузула» как она именуется в венгерской юридической науке, весьма спорно отражает реалии наднационального принципа передачи полномочий. Конституционный суд также говорит о наличии у себя компетенции проверять право Союза на соответствие статьи 2/A конституции. Подобное право он обосновывает со ссылкой на пресловутый дуалистический принцип: «право Сообществ, применимое в венгерском законодательстве, имеет такую же силу, как и закон, принятый в венгерском законодательстве» [43].

Вслед за указанным решением последовали еще более откровенные. В 2010 г. Конституционный суд проверил на соответствие конституции Акт о промульгации Лиссабонского договора [40]. По мнению Суда, наделение Союза компетенцией не может привести к лишению понятий суверенитета и верховенства права своего содержания. Несмотря на то, что Договор о реформе имеет важнейшее значение, Венгрия остается суверенным и независимым государством, в котором преобладает верховенство права, что включает в себя приоритет Конституции страны в системе источников права [40]. Таким образом, статья 2/A начинает восприниматься властями Венгрии в качестве полноценного «контрлимита», который охраняет основы абсолютного суверенитета и верховенства Конституции.

Несмотря на отсылку к верховенству права, в самой Венгрии происходит постепенный отход от указанной европейской ценности. Институты ЕС рассматривают данное движение как «эрозию» (сползание) [65], которое напрямую связано с приходом в 2010 г. к власти правой популистской партии ФИДЕС. По нашему мнению, указанный правый поворот нельзя объяснить исключительно сменой политических элит. Согласно опросам, рядовые венгры имеют весьма неоднозначное отношение к европейским ценностям. Согласно опросу 2013 г. доля венгров, которые причисляют себя к либералам, составляет 14 %, приверженность правам человека в западном понимании отметили только 18 % опрошенных, а капитализму – всего 5 %.

Указанные общественные настроения не могли быть неизвестны и при вступлении Венгрии в Европейский союз. В то же время, соблюдение основополагающих ценностей ЕС, среди которых фигурирует и верховенство права, является строгим юридическим критерием членства. В 1993 г. в преддверии «Большого расширения», участником которого была и Венгрия, Европейский совет сформулировал, так называемые «Копенгагенские критерии». Первым и важнейшим среди них становится приверженность основополагающих ценностям Союза – демократии, верховенству права, правам человека, включая права меньшинств.

На заседании Европейского совета в Мадриде в 1995 г. было указано, что членство требует не только декларативной приверженности ценностям Союза, но и наличия стабильных институтов, которые их гарантируют. Переговоры с Венгрией, которые начались в 1998 г., полностью проходили под руководством правительства, сформированного Виктором Орбаном. Указанный период характеризуется как период экономических и социальных реформ, которые сопровождали вступление в ЕС. Ф.Е. Лукьянов замечает, что подобные реформы так и не были проведены, а правительство сосредоточилось на состоянии политических элит [7, с. 30]. Несмотря на рост государственного долга и дефицита бюджета, старая песня о тяжести периода «советской оккупации» стала тем самым аргументом, который определил удачное завершение переговорного процесса по вступлению в ЕС. Таким образом, политизация процесса институтами ЕС стала причиной правового поворота, который наблюдается сегодня.

Вступление в ЕС не принесло Венгрии заметного процветания – конкуренция в масштабах всего Союза обернулась национальной экономике убытками и ростом государственных и частных долговых обязательств. К 2010 г. страна находилась на грани банкротства и большинство венгерских граждан испытывали все возрастающее разочарование идеалами капитализма и свободного рынка. Общественное мнение было

пронизано «евроскептицизмом», что в некоторых случаях доходило до солидаризации с крайними формами правой идеологии. На выборах в парламент Венгрии более 20% голосов набрала правая радикальная националистическая христианская партия «За лучшую Венгрию» (Йоббик). Общественное мнение удалось консолидировать ФИДЕС, которая сменила ультралиберальную риторику, которой руководствовалась в период вступления в ЕС, на консервативную, христианскую и социальную. На выборах в парламент 2010 г. правая коалиция получила 68,1% мест в парламенте, что позволило сформировать правительство во главе с В. Орбаном.

После прихода к власти ФИДЕС парламентом был принят новый Основной закон [54]. Процедура разработки конституции, которая началась сразу после победы партии на выборах, подверглась критике со стороны Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) Совета Европы за отсутствие широких общественных дебатов [58]. В новом Основном законе содержатся упоминания о Боге и христианстве, достоинстве венгерской нации, разрыве с коммунистическим прошлым, определение брака как союза мужчины и женщины, и многие другие элементы, которые традиционно знаменуют собой обращение к традиционным ценностям как части правой политики. В июне 2021 г. парламент Венгрии принял законодательные изменения, которые касаются ограничения сексуального просвещения школьников [52]. После негативной реакции со стороны Европейского союза, был инициирован всенародный референдум, который впоследствии был признан несостоявшимся. Данная тактика использования воли народа в качестве «контрлимита» официальной позиции Брюсселя становится типичной для конституционной практики Венгрии.

Основной закон от 25 апреля 2011 г. практически повторил «европейскую клаузулу» в статье Е, дополнив ее и разделив на параграфы. Согласно новой формулировке, Венгрия может осуществлять полномочия «совместно с другими государствами-членами через институты Европейского союза» (пункт 2). Благодаря изменению указанного положения удалось хоть и неверно, но немного более точно сформулировать принцип передачи полномочий. Пункт 3 указанной статьи был дополнен положением, согласно которому «право Европейского союза может в рамках, изложенных в пункте 2, устанавливать общеобязательные правила поведения». Необходимо вновь отметить, что наличие у отдельных источников права ЕС прямого действия определяется на основании учредительных договоров в толковании Суда. Обусловленность общеобязательного характера актов Союза ссылкой на надлежащую передачу полномочий по конституции Венгрии может быть

рассмотрена в качестве нового конституционного контрлимита действию права ЕС на территории Венгрии.

С момента вступления в силу Лиссабонского договора [68] Европейский союз также обязался «уважать национальную идентичность, присущую основополагающим политическим и конституционным структурам» (статья 4(2) ДЕС), однако это положение не задумывалось в качестве ограничения компетенции или предлога для отказа в действии (а тем более нарушения) права Союза. Несмотря на целый ряд попыток государств-членов использовать данное положение в качестве «контрлимита», Суд ЕС отразил их в целом ряде решений – Michaniki [17], Sayn-Wittgenstein [29], Las [26], Runevič-Vardyn and Wardyn [30]. Таким образом, хотя изменения, внесенные в Основной закон Венгрии, и являются попыткой усилить национальные контрлимиты, статья 4(2) ДЕС об уважении национальной идентичности фактически представляет собой «спящую норму».

Несмотря на несколько громких решений, которые рассматривались выше, Конституционный суд последовательно избегал конфликтов между национальным правом и правом ЕС. Во многих решениях подтверждались верховенство, прямое действие и эффективность права Сообществ (а затем и Союза) [46]. Подобная лояльность Конституционного суда не была позитивно встречена большинством парламента, который в 2013 г. принял решение внести изменения в конституцию, которые значительно сокращают полномочия первого. В частности, были отменены все решения КС, вынесенные до даты принятия новой конституции. Право Суда отменять законы, принятые 2/3 членов Национального собрания, было ограничено. Кроме того, были сокращены полномочия Суда по рассмотрению конституционности бюджетного законодательства.

Поправки, принятые в 2013 г., оказывали непропорциональное влияние на деятельность оппозиционных партий – избирательная агитация в рамках предвыборной кампании могла осуществляться только на публичных каналах, которые находились под контролем партии ФИДЕС. В 2017 г. также были введены весьма обширные положения о прозрачности политических партий и неправительственных организаций, финансируемых из-за рубежа, что предполагало маркировку контента таких организаций соответствующим обозначением. Данные изменения также вызвали негативную оценку Европейского союза в связи с основополагающими ценностями.

Период миграционного кризиса привел к обострению отношений между Европейским союзом и Венгрией. 22 сентября 2015 г. Совет ЕС установил обязательные миграционные квоты по приему беженцев Венгрией и другими государствами-членами. Как и в казусе, связанном

с реформой сексуального просвещения, после поражения в Люксембургском суде премьер-министр Венгрии В. Орбан объявил о созыве референдума для того, чтобы венгерский народ решил вопрос о принятии беженцев. Интересна формулировка вопроса, который был выдвинут на референдум: «Хотите ли Вы, чтобы Европейский союз мог предусматривать обязательное переселение невенгерских граждан в Венгрию без согласия Национального собрания?» Иными словами, народ должен был решить, каким образом действует право Европейского союза на территории Венгрии. Несмотря на то, что большинство граждан проголосовали «против» наличия у Союза таких полномочий, референдум был признан несостоявшимся, поскольку не был обеспечен процент явки.

Одновременно с этим в декабре 2016 г. Конституционный суд Венгрии вынес решение, в котором судьи ссылались на конституционную идентичность страны, чтобы обосновать отказ правительства применить схему переселения беженцев ЕС в Венгрии [41]. В 2018 г. Конституция была дополнена оговоркой о конституционной идентичности: «Осуществление полномочий в соответствии с этим пунктом должно соответствовать основным правам и свободам, изложенным в Основном законе, и нельзя допускать ограничения неотъемлемого права Венгрии распоряжаться вопросами, касающимися ее территориальной целостности, населения, политической системы и формы правления».

В своем решении Суд опирался на позицию Конституционного суда Федеративной Республики Германия, который впервые сформулировал понятие идентичности, указав, что она представляет собой неизменяемые элементы национальной конституции («оговорку о вечности», *Ewigkeitsgarantie*), в которую включаются человеческое достоинство, основные права человека и структурные принципы, предусмотренные в статье 20 Основного закона (т. е. республиканская форма правления, федеральные, демократические и социальные принципы, а также верховенства закона). В случае нарушения конституционной идентичности Правительство Германии может признать право Европейского союза неприменимым на своей территории [55, р. 157].

Таким образом, взаимодействие права Европейского союза и конституционного права Венгрии в настоящее время выходит на аксиологический уровень, то есть на более общий уровень «конкуренции ценностей». Несмотря на то, что ценности и воплощенные в них идеалы имеют весьма абстрактное содержание, на практике они приобретают конкретное юридическое выражение [6]. Основополагающие ценности статьи 2 Договора о ЕС, такие как демократия, верховенство права и права человека, выступают в качестве

высшей правовой нормы и основы правопорядка Союза. Существование основополагающих ценностей необходимо для поддержания «конституционной однородности» правового пространства Европейского союза. Она рассматривается в качестве важнейшей предпосылки принципа взаимного доверия, который является краеугольным камнем политики ЕС, в особенности пространства свободы безопасности правосудия.

Нарушение основополагающих ценностей влечет введение в отношении государства механизмов политического принуждения. При этом оно может быть констатировано не только в сферах компетенции Европейского союза, очерченной учредительными договорами, но и рамках прерогативы государств-членов. Иными словами, Европейский союз объявляет себя правомочным осуществлять любую степень вмешательства в конституционные институты государств-членов. Данное вмешательство является юридически формализованным и осуществляется в соответствии с разработанными в праве ЕС механизмами.

В первую очередь, Европейская комиссия или другие государства-члены могут прибегнуть к косвенной защите общих ценностей, обратившись в Суд ЕС с иском о нарушении обязательств (статьи 258-260 ДФЕС) [2, с. 124-127]. Однако Суд рассматривает вопрос о нарушении ценностей Союза лишь в связи с более конкретными положениями первичного или вторичного права. В данной связи существует ограничение, в соответствии с которым Комиссия не может жаловаться в Суд ЕС на общее состояние верховенства права и иных ценностей в отдельном государстве-члене без указания на конкретные положения права ЕС, которые были нарушены. Иными словами, ссылка на статью 2 возможна только в качестве дополнительной квалификации конкретного нарушения права ЕС.

Преимуществом обращения в Суд ЕС является то, что решение подлежит незамедлительному исполнению, которое может быть приостановлено только самим Судом. Кроме того, в случае неприведения внутреннего (в том числе конституционного права) в соответствие с правом ЕС, на государство-член может быть возложена обязанность по уплате штрафа и/или пени в соответствии со статьей 260 ДФЕС. Комиссия направила в Суд ЕС серию исков о нарушении обязательств с целью решить точечные проблемы, которые в целом создают существенную угрозу верховенства права в Венгрии – это иски по миграционным квотам; в отношении отдельных аспектов судебной системы; по Закону об образовании и целому ряду других вопросов.

Однако точечные иски и преюдициальные запросы не способны решить более общие конституционные проблемы, возникшие в государстве-члене. Основным инструментом борьбы с

системными угрозами ценностям Союза является политическое принуждение в соответствии с механизмом статьи 7 ДЕС, который состоит из трех фаз, – от констатации существования «явной угрозы серьезного нарушения», а затем и «серьезного и устойчивого нарушения» ценностей, до приостановления отдельных прав государства-члена [1, с. 521-523]. Потенциально указанная процедура может привести к лишению права голоса в Совете, исключению из распределения финансирования ЕС или даже приостановления членства в организации. Он был инициирован лишь дважды – в отношении Польши в декабре 2017 г. и Венгрии – в сентябре 2018 г. [63, 64].

Однако приостановление отдельных прав из договоров в отношении как Польши, так и Венгрии имеет очень мало перспектив. В данной связи представители Польши и Венгрии уже заявили о том, что воспользуются правом вето при проведении голосования в отношении друг друга. Таким образом, привлечь указанные государства-члены к полноценной политической ответственности по статье 7 не представляется возможным. Это предполагает необходимость разработки новых инструментов поддержания верховенства права, которые являлись бы «альтернативой между мягкой силой политического убеждения и ядерным вариантом статьи 7» [14].

С этой целью в 2014 г. Европейской комиссией был принят Продвинутый механизм верховенства права (the European Commission's Enhanced Rule of Law Mechanism) [35]. Указанная процедура представляет собой структурированный диалог Комиссии с государством-членом, в котором наличествует «системная угроза верховенству права». Она состоит из трех стадий: правовая оценка ситуации Комиссией с последующим вынесением заключения о верховенстве права; направление государству более детальных рекомендаций в случае отсутствия прогресса; и фаза мониторинга выполнения государством соответствующих рекомендаций. Применению указанного механизма к Польше обернулось провалом – государство не выполнило ни одной из рекомендаций, предложенных Европейской комиссией [67]. По этой причине его решили не применять по отношению к Венгрии, в которой ситуация развивается еще более стремительно.

В 2020 г. регламентом Европейского парламента и Совета был предусмотрен Европейский механизм верховенства права (European Rule of Law Conditionality Mechanism) [66]. Основной идеей нового механизма является учет приверженности государства-члена верховенству права при расходовании средств бюджета и Фонда восстановления ЕС, который был создан с целью ликвидации негативных последствий пандемии COVID-19. Подобные финансовые санкции будут вводиться исполнительным регламентом Совета ЕС по

мотивированному предложению Комиссии. В настоящее время Европейская комиссия уже заморозила заявку Венгрии на долю в 7,2 миллиардов евро в виде субсидий из общеевропейского фонда борьбы с последствиями пандемии COVID-19. В последующем Венгрия запросила из Фонда восстановления дополнительные 9,6 миллиардов в виде кредита. 5 апреля 2022 г. Европейская комиссия объявила о направлении официального письма в Будапешт о запуске Механизма обусловленности. Ожидается, что указанная процедура займет более полугода [4, с. 34–38].

Общий режим обусловленности отличается от европейского механизма верховенства права (European Rule of Law Mechanism), который связан с изданием ежегодного отчета о верховенстве права. Отчет состоит из общей части и 27 разделов, посвященных ситуации в каждом государстве-члене. Документ охватывает четыре ключевые области верховенства права: судебную систему, правовые основы борьбы с коррупцией, плюрализм и свободу СМИ, а также отдельные институциональные вопросы, связанные с системой сдержек и противовесов. В настоящее время доступны отчеты за 2020 и 2021 гг. [36, 37]. В рамках текущего отчета особое внимание уделяется влиянию пандемии COVID-19 на состояние верховенства права.

В качестве развития механизмов защиты основополагающих ценностей ряд исследователей предлагают установить возможность исключения государства-нарушителя из состава организации [34, с. 30]. В противоположность, К. В. Энтин, ссылаясь на вывод Суда ЕС по недавнему делу *Wightman* [25], указывает, что выход из состава Союза имеет суверенную природу. По этой причине «государство-член нельзя заставить покинуть ЕС против его воли» [10, с. 85]. Тем не менее, в отношении Венгрии подобные призывы звучали неоднократно. В 2016 г. в разгар миграционного кризиса министр иностранных дел Люксембурга призывал исключить Венгрию, поскольку это

будет «единственным способом сохранить сплоченность и ценности Европейского союза» [53]. В данной связи, одной из возможностей было бы исключение государства в соответствии с Венской конвенцией. Однако в таком случае институтам ЕС пришлось бы полагаться на международное право, что противоречит автономному характеру правового порядка Союза [49].

Таким образом, современное состояние взаимодействия права ЕС и конституционного права Венгрии отличается следующими тенденциями. В первую очередь, происходит усиление роли конституционных лимитов, которые получают закрепление в Основном законе страны. Некоторые исследователи рассматривают это в качестве злоупотребления плюралистическими доктринами, которые получают популярность в последнее время [5]. Конституционный суд Венгрии, осуществляя толкование Основного закона, успешно применяет и способствует дальнейшему расширению сферы действия указанных контрлимитов. Во-вторых, необходимо отметить переход указанного взаимодействия на аксиологическую стадию, в рамках которой конституционные реформы, происходящие в Венгрии, рассматриваются в качестве противоречащих основополагающим ценностям Европейского союза, в особенности, – верховенству права. В данной связи, Европейский союз осуществляет вмешательство не только в сферу собственных полномочий, но и в суверенные прерогативы венгерского государства. В данной связи новым контрлимитом становится прямое обращение к народу, воля которого противопоставляется официальной позиции Брюсселя. Указанное вмешательство развивается по нарастающей и в настоящее время достигло своего апогея – лишения Венгрии доступа к ресурсам общего бюджета Союза как инструмента политического давления на проводимые в стране конституционные реформы. Это ставит под вопрос целесообразность самого участия Венгрии в проекте европейской интеграции.

Источники и литература

1. Европейский Суд по правам человека и Венецианская комиссия: о правовом государстве / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Е. А. Фокин и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИД «Юриспруденция», 2021. 528 с.
2. Капустин А. Я., Ковлер А. И. и [др.]. Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы / А. Я. Капустин, А. И. Ковлер, А. М. Белялова, Я. И. Лебедева, Е. А. Фокин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6(85). С. 124–127.
3. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
4. Лебедева Я. И. «Механизм обусловленности верховенством права»: новый виток принудительных мер ЕС против Польши и Венгрии / Евразийский юридический журнал. 2022. № 1(164). С. 34–38.
5. Лебедева Я. И. Взаимодействие права Европейского Союза и конституционного права государств-членов: плюралистические подходы / Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 3. С. 19–35.
6. Лебедева Я. И. Ценности Европейского Союза: понятие, правовая природа и влияние на конституционное право суверенных государств / Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 2. С. 130–147.

7. Лукьянов Ф.Е. Виктор Орбан: от ультралиберализма к евроскептицизму. Эволюция политического лидера // АПЕ. 2017. № 3. С. 12–39.
8. Международное правосудие как фактор интеграции: монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, А. М. Белялова и др.; отв. ред. Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер; предисл. В. М. Лебедева. – М.: ИЗИСП: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 192 с.
9. Моисеев А. А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве: в контексте глобализации: дисс. ... докт. юр. наук, М., 2007. 360 с.
10. Энтин К. В. Право Европейского Союза сквозь призму практики Суда Европейского Союза: [монография]. М.: Статут, 2020. 324 с.
11. 1949. évi XX. törvény - A magyar köztársaság alkotmánya (Law XX on Constitution of the People's Republic of Hungary of 1949).
12. 1989. évi XXXI. törvény az Alkotmány módosításáról (Law XXXI on amending the Constitution of 1989).
13. 2007. évi CLXVII. törvény a Magyar Köztársaság Alkotmányáról szóló 1949. évi XX. törvény módosításáról (Act CLXVII on the Constitution of the Republic of Hungary of 2007 amending the Law XX on the Constitution of the Republic of Hungary of 1949).
14. Barroso J. M., State of the Union 2012 Address Plenary Session of the European Parliament, Strasbourg, 12 September 2012.
15. Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ C 202, 7.6.2016, p. 389–405.
16. CJEC (Grand Chamber). Case C-119/05. Ministero dell'Industria, del Commercio e dell'Artigianato v Lucchini SpA. Judgment of 18 July 2007.
17. CJEC (Grand Chamber). Case C-213/07. Michaniki AE v Ethniko Symvoulío Radiotileorasis and Ypourgos Epikrateias. Judgment of 16 December 2008.
18. CJEC. Case 106/77. Amministrazione delle Finanze dello Stato v Simmenthal SpA. Reference for a preliminary ruling: Pretura di Susa, Italy. Judgment of 9 March 1978.
19. CJEC. Case 11-70. Internationale Handelsgesellschaft mbH v Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel. Reference for a preliminary ruling: Verwaltungsgericht Frankfurt am Main, Germany. Judgment of 17 December 1970.
20. CJEC. Case 26–62. NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration. Reference for a preliminary ruling: Tariefcommissie, Pays-Bas. Judgment of 5 February 1963.
21. CJEC. Case 6-64. Flaminio Costa v E.N.E.L. Reference for a preliminary ruling: Giudice conciliatore di Milano, Italy. Judgment of 15 July 1964.
22. CJEC. Case C-144/04, Werner Mangold v Rüdiger Helm. Judgment of 22 November 2005.
23. CJEC. Case C-285/98. Tanja Kreil v Bundesrepublik Deutschland. Judgment of 11 January 2000.
24. CJEC. Opinion 1/91. Opinion delivered pursuant to the second subparagraph of Article 228 (1) of the Treaty - Draft agreement between the Community, on the one hand, and the countries of the European Free Trade Association, on the other, relating to the creation of the European Economic Area. Judgment of 14 December 1991.
25. CJEU (Full Court). Case C-621/18. Andy Wightman and Others v Secretary of State for Exiting the European Union. Judgment of 10 December 2018.
26. CJEU (Grand Chamber). Case C-202/11. Anton Las v PSA Antwerp NV. Reference for a preliminary ruling: Arbeidsrechtbank te Antwerpen, Belgium. Judgment of 16 April 2013.
27. CJEU (Grand Chamber). Case C-399/11. Stefano Melloni v Ministero Fiscal. Judgment of 26 February 2013.
28. CJEU (Grand Chamber). Case C-416/10. Jozef Krížan and Others v Slovenská inšpekcia životného prostredia. Judgment of the Court of 15 January 2013.
29. CJEU (Second Chamber). Case C-208/09. Ilonka Sayn-Wittgenstein v Landeshauptmann von Wien. Reference for a preliminary ruling: Verwaltungsgerichtshof, Austria. Judgment of 22 December 2010.
30. CJEU (Second Chamber). Case C-391/09. Malgožata Runevič-Vardyn and Łukasz Paweł Wardyn v Vilniaus miesto savivaldybės administracija and Others. Reference for a preliminary ruling: Vilniaus miesto 1 apylinkės teismas, Lithuania. Judgment of 12 May 2011.
31. CJEU (Third Chamber). Case C-314/08. Krzysztof Filipiak v Dyrektor Izby Skarbowej w Poznaniu. Judgment of 19 November 2009.
32. CJEU. Case C-409/06. Winner Wetten GmbH v Bürgermeisterin der Stadt Bergheim. Judgment of 8 September 2010.
33. Cloots E. National Identity, Constitutional Identity, and Sovereignty in the EU. Netherlands Journal of Legal Philosophy. Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2. (2016). P. 82-98.
34. Closa C., Kochenov D. Reinforcing the Rule of Law Oversight in the European Union, in Strengthening the Rule of Law in Europe: From a Common Concept to Mechanisms of Implementation. Hart Publishing, Oxford, 2015. 339 p.
35. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council "A new EU Framework to strengthen the Rule of Law" (COM/2014/0158 final). Brussels, 11.3.2014.
36. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, 2020 Rule of Law Report, The rule of law situation in the European Union (COM/2020/580 final). Brussels, 30.9.2020.
37. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, 2021 Rule of Law Report, The rule of law situation in the European Union (COM (2021) 700 final). Brussels, 20.7.2021.
38. Constitutional Court, judgment of 7 March 1964, No 14, 1964-I, Foro Italiano 465.
39. Decision 1053/E/2005. AB határozat (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 16.06.2006.
40. Decision 143/2010. (VII. 14.) AB határozat (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 12.07.2010.
41. Decision 22/2016. (XII. 5.) AB határozat. (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 30.11.2016.
42. Decision 4/1997 (I. 22.) AB 46 határozat (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 21.01.1997.
43. Decision 61/B/2005. AB határozat. (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 29.11.2006.

44. Decision AB határozat 4/1997. (I. 22.) (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 21.01.1997.
45. Decision AB határozat, 7/2005 (III. 31) (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 29.03.2005.
46. Decision of Szabolcs-Szatmár-Bereg County Court 5.K.20. 631/2010/4.
47. Dezső M., Vincze A. Magyar alkotmányosság az európai integrációban' összes példány (Венгерский конституционализм и европейская интеграция). Budapest. HVG-ORAC. 2006. 437 О.
48. EU law expert: Throwing Hungary out would 'fan the flames of populism' URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/interview/eu-law-expert-throwing-hungary-out-would-fan-the-flames-of-populism/> (Дата обращения: 21.09.2022).
49. Gábor H. National(ist) constitutional identity? : Hungary's road to abuse constitutional pluralism. Working Paper, EUI LAW, 2017/08. 17 p.
50. International Law and Domestic Legal Systems: Incorporation, Transformation, and Persuasion ed. by D. Shelton. Oxford University Press, 2011. 666 p.
51. Jakab A. A magyar jogrendszer szerkezete. Budapest Pécs: Dialóg.Campus Kiadó, 2007. 227 o.
52. Javaslat módosítási szándék megfogalmazásához a Törvényalkotási bizottság számára a pedofil bűnelkövetőkkel szembeni szigorúbb fellépésről, valamint a gyermekek védelme érdekében egyes törvények módosításáról szóló T/16365.
53. Luxembourg foreign minister wants Hungary out of EU URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/luxembourg-foreign-minister-wants-hungary-out-of-eu/> (Дата обращения: 21.09.2022).
54. Magyarország Alaptörvénye (2011. április 25.). Magyar Közlöny. 2018. évi 100. Szám (The Fundamental Law Of Hungary of 25 April 2011. Hungarian Gazette. No 100. 2018.).
55. Mangiameli S. The European Union and the Identity of Member States. L'Europe en Formation. No. 369. 2013. P. 151–168.
56. National Constitutions in European and Global Governance: Democracy, Rights, the Rule of Law (National Reports) ed. by A. Albi, S. Bardutzky. Asser, Springer, 2019.
57. Note à M. Jean Rey, Président du Groupe Juridique et à M. Caron, Président du Groupe du Marché Intérieur (HAC. BAC.371/1991.620).
58. Opinion on the new Constitution of Hungary adopted by the Venice Commission at its 87th Plenary Session (CDL-AD(2011)016-e). Venice, 17-18 June 2011.
59. Oxford Handbook of EU law edited by D. Chalmers, A. Arnall. Oxford University Press, 2015. 950 p.
60. Pernice I. Multilevel Constitutionalism and the Treaty of Amsterdam: European Constitution-Making Revisited? Common Market Law Review Volume 36, Issue 4 (1999). P. 703-750.
61. Pernice I. Multilevel Constitutionalism in the European Union. Walter Hallstein-Institut – Paper 5/02. 15 p.
62. Pernice I. The Treaty of Lisbon: Multilevel Constitutionalism in Action. Columbia Journal of European Law, Vol. 15, No. 3/2009. P. 349-407.
63. Proposal for a Council Decision on the determination of a clear risk of a serious breach by the Republic of Poland of the rule of law. COM/2017/0835 final. Brussels, 20.12.2017.
64. Proposal for a Council Decision on the determination of a clear risk of a serious breach by Hungary of the rule of law. ST 12266 2018 REV 1. Brussels, 20.09.2018.
65. Rech W. Some remarks on the EU's action on the erosion of the rule of law in Poland and Hungary. Journal of Contemporary European Studies, Volume 26, 2018 – Issue 3: Special Issue: Erosion of the Rule of Law in East Central Europe. P. 334–345.
66. Regulation (EU, Euratom) 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget // OJ L 433I, 22.12.2020. P. 1–10.
67. Rule of law framework URL: https://ec.europa.eu/info/policies/justice-and-fundamental-rights/upholding-rule-law/rule-law/rule-law-framework_en (Дата обращения: 21.09.2022).
68. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // OJ C 306, 17.12.2007ю P. 1–271.

References

1. Evropejskij Sud po pravam cheloveka i Venecijskaja komissija: o pravovom gosudarstve (European Court of Human Rights and Venice Commission: on the State of Law) / T.Y. Khabrieva, A. I. Kovler, E. A. Fokin, et al.; ed. by T. Y. Khabrieva. M.: PH «Jurisprudence», 2021. 528 p. (In Russian).
2. Kapustin A. Ya., Kovler A. I., et al. Praktika rassmotrenija mezhdunarodnyh zhalob v mezhdunarodnyh sudah: istorija voprosa i perspektivy (Inter-State Applications in International Courts: History and Prospects) // Zhurnal zarubeznogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. 2020. No. 6(85). P. 124–127. (In Russian).
3. Kelzen G. Chistoe uchenie o prave (Pure Theory of Law). St. Petersburg: Alef-Press, 2015. 542 p. (In Russian).
4. Lebedeva I. I. «Mehanizm obuslovlennosti verhovenstvom prava»: novyj vitok prinuditelnyh mer ES protiv Polshi i Vengrii ("The Mechanism of Conditionality by the Rule of Law": A New Round of EU Coercive Measures against Poland and Hungary) // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2022. No. 1(164). P. 34–38. (In Russian).
5. Lebedeva I. I. Vzaimodejstvie prava Evropejskogo Sojuza i konstitucionnogo prava gosudarstv-chlenov: pljuralisticheskie podhody (Interaction of European Union law and Constitutional law of the Member States: Pluralistic Approaches) // Zhurnal zarubeznogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. 2021. No. 3. P. 19–35. (In Russian).
6. Lebedeva I. I. Cennosti Evropejskogo Sojuza: ponjatie, pravovaja priroda i vlijanie na konstitucionnoe pravo suverennyh gosudarstv (EU Values: Concept, Legal Nature and Impact on the Constitutional Law of Sovereign States) // Zhurnal zarubeznogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. 2022. T. 18. No. 2. P. 130–147. (In Russian).
7. Lukjanov F.E. Viktor Orban: Ot ultraliberalizma k evroskepticizmu. Jevoljucija politicheskogo lidera (Viktor Orban: from ultra-liberalism to euroscepticism. Evolution of a political leader) // APE. 2017. No. 3. P. 12–39. (In Russian).
8. Mezhdunarodnoe pravosudie kak faktor integracii (International Justice as a Factor of Integration) / T. Y. Khabrieva, A. I. Kovler, A. M. Belyalova etc. Moskow: IZAK, Norma, INFRA-M, 2019. 192 p. (In Russian).

9. Moiseev A. A. Sootnoshenie suvereniteta i nadgosudarstvennosti v sovremennom mezhdunarodnom prave: v kontekste globalizacii (The correlation of sovereignty and supranationality in modern international law: in the context of globalization). Moskva, 2007. 360 p. (In Russian).
10. Entin K. V. Pravo Evropejskogo Sojuz skvoz prizmu praktiki Suda Evropejskogo Sojuz (The law of the European Union through the prism of the practice of the Court of Justice of the European Union). Moskva : Statut, 2020. 324 p. (In Russian).
11. 1949. évi XX. törvény - A magyar köztársaság alkotmánya (Law XX on Constitution of the People's Republic of Hungary of 1949).
12. 1989. évi XXXI. törvény az Alkotmány módosításáról (Law XXXI on amending the Constitution of 1989).
13. 2007. évi CLXVII. törvény a Magyar Köztársaság Alkotmányáról szóló 1949. évi XX. törvény módosításáról (Act CLXVII on the Constitution of the Republic of Hungary of 2007 amending the Law XX on the Constitution of the Republic of Hungary of 1949).
14. Barroso J. M., State of the Union 2012 Address Plenary Session of the European Parliament, Strasbourg, 12 September 2012.
15. Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ C 202, 7.6.2016, p. 389–405.
16. CJEC (Grand Chamber). Case C-119/05. Ministero dell'Industria, del Commercio e dell'Artigianato v Lucchini SpA. Judgment of 18 July 2007.
17. CJEC (Grand Chamber). Case C-213/07. Michaniki AE v Ethniko Symvoulio Radiotileorasis and Ypourgos Epikrateias. Judgment of 16 December 2008.
18. CJEC. Case 106/77. Amministrazione delle Finanze dello Stato v Simmenthal SpA. Reference for a preliminary ruling: Pretura di Susa, Italy. Judgment of 9 March 1978.
19. CJEC. Case 11-70. Internationale Handelsgesellschaft mbH v Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel. Reference for a preliminary ruling: Verwaltungsgericht Frankfurt am Main, Germany. Judgment of 17 December 1970.
20. CJEC. Case 26-62. NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration. Reference for a preliminary ruling: Tariefcommissie, Pays-Bas. Judgment of 5 February 1963.
21. CJEC. Case 6-64. Flaminio Costa v E.N.E.L. Reference for a preliminary ruling: Giudice conciliatore di Milano, Italy. Judgment of 15 July 1964.
22. CJEC. Case C-144/04, Werner Mangold v Rüdiger Helm. Judgment of 22 November 2005.
23. CJEC. Case C-285/98. Tanja Kreil v Bundesrepublik Deutschland. Judgment of 11 January 2000.
24. CJEC. Opinion 1/91. Opinion delivered pursuant to the second subparagraph of Article 228 (1) of the Treaty – Draft agreement between the Community, on the one hand, and the countries of the European Free Trade Association, on the other, relating to the creation of the European Economic Area. Judgment of 14 December 1991.
25. CJEU (Full Court). Case C-621/18. Andy Wightman and Others v Secretary of State for Exiting the European Union. Judgment of 10 December 2018.
26. CJEU (Grand Chamber). Case C-202/11. Anton Las v PSA Antwerp NV. Reference for a preliminary ruling: Arbeidsrechtbank te Antwerpen, Belgium. Judgment of 16 April 2013.
27. CJEU (Grand Chamber). Case C-399/11. Stefano Melloni v Ministero Fiscal. Judgment of 26 February 2013.
28. CJEU (Grand Chamber). Case C-416/10. Jozef Križan and Others v Slovenská inšpekcia životného prostredia. Judgment of the Court of 15 January 2013.
29. CJEU (Second Chamber). Case C-208/09. Ilonka Sayn-Wittgenstein v Landeshauptmann von Wien. Reference for a preliminary ruling: Verwaltungsgerichtshof, Austria. Judgment of 22 December 2010.
30. CJEU (Second Chamber). Case C-391/09. Malgožata Runevič-Vardyn and Łukasz Paweł Wardyn v Vilniaus miesto savivaldybės administracija and Others. Reference for a preliminary ruling: Vilniaus miesto 1 apylinkės teismas, Lithuania. Judgment of 12 May 2011.
31. CJEU (Third Chamber). Case C-314/08. Krzysztof Filipiak v Dyrektor Izby Skarbowej w Poznaniu. Judgment of 19 November 2009.
32. CJEU. Case C-409/06. Winner Wetten GmbH v Bürgermeisterin der Stadt Bergheim. Judgment of 8 September 2010.
33. Cloots E. National Identity, Constitutional Identity, and Sovereignty in the EU. Netherlands Journal of Legal Philosophy. Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2. (2016). P. 82-98.
34. Closa C., Kochenov D. Reinforcing the Rule of Law Oversight in the European Union, in Strengthening the Rule of Law in Europe: From a Common Concept to Mechanisms of Implementation. Hart Publishing, Oxford, 2015. 339 p.
35. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council "A new EU Framework to strengthen the Rule of Law" (COM/2014/0158 final). Brussels, 11.3.2014.
36. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, 2020 Rule of Law Report, The rule of law situation in the European Union (COM/2020/580 final). Brussels, 30.9.2020.
37. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, 2021 Rule of Law Report, The rule of law situation in the European Union (COM(2021) 700 final). Brussels, 20.7.2021.
38. Constitutional Court, judgment of 7 March 1964, No 14, 1964-I, Foro Italiano 465.
39. Decision 1053/E/2005. AB határozat (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 16.06.2006.
40. Decision 143/2010. (VII. 14.) AB határozat (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 12.07.2010.
41. Decision 22/2016. (XII. 5.) AB határozat. (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 30.11.2016.
42. Decision 4/1997 (I. 22.) AB 46 határozat (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 21.01.1997.
43. Decision 61/B/2005. AB határozat. (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 29.11.2006.
44. Decision AB határozat 4/1997. (I. 22.) (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 21.01.1997.
45. Decision AB határozat, 7/2005 (III. 31) (Constitutional Court of Hungary). Budapest, 29.03.2005.

46. Decision of Szabolcs-Szatmár-Bereg County Court 5.K.20. 631/2010/4.
47. Dezső M., Vincze A. Magyar alkotmányosság az európai integrációban' összes példány (Венгерский конституционализм и европейская интеграция). Budapest. HVG-ORAC. 2006. 437 о.
48. EU law expert: Throwing Hungary out would 'fan the flames of populism' URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/interview/eu-law-expert-throwing-hungary-out-would-fan-the-flames-of-populism/> (Accessed: 21.09.2022).
49. Gábor H. National(ist) constitutional identity?: Hungary's road to abuse constitutional pluralism. Working Paper, EUI LAW, 2017/08. 17 p.
50. International Law and Domestic Legal Systems: Incorporation, Transformation, and Persuasion ed. by D. Shelton. Oxford University Press, 2011. 666 p.
51. Jakab A. A magyar jogrendszer szerkezete. Budapest Pécs: Dialóg.Campus Kiadó, 2007. 227 о.
52. Javaslat módosítási szándék megfogalmazásához a Törvényalkotási bizottság számára a pedofil bűnelkövetőkkel szembeni szigorúbb fellépésről, valamint a gyermekek védelme érdekében egyes törvények módosításáról szóló T/16365.
53. Luxembourg foreign minister wants Hungary out of EU URL: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/luxembourg-foreign-minister-wants-hungary-out-of-eu/> Accessed: 21.09.2022).
54. Magyarország Alaptörvénye (2011. április 25.). Magyar Közlöny. 2018. évi 100. Szám (The Fundamental Law Of Hungary of 25 April 2011. Hungarian Gazette. No 100. 2018.).
55. Mangiameli S. The European Union and the Identity of Member States. L'Europe en Formation. No. 369. 2013. P. 151-168.
56. National Constitutions in European and Global Governance: Democracy, Rights, the Rule of Law (National Reports) ed. by A. Albi, S. Bardutzky. Asser, Springer, 2019.
57. Note à M. Jean Rey, Président du Groupe Juridique et à M. Caron, Président du Groupe du Marché Intérieur (HAC. BAC.371/1991.620).
58. Opinion on the new Constitution of Hungary adopted by the Venice Commission at its 87th Plenary Session (CDL-AD(2011)016-e). Venice, 17-18 June 2011.
59. Oxford Handbook of EU law edited by D. Chalmers, A. Arnall. Oxford University Press, 2015. 950 p.
60. Pernice I. Multilevel Constitutionalism and the Treaty of Amsterdam: European Constitution-Making Revisited? Common Market Law Review Volume 36, Issue 4 (1999). P. 703–750.
61. Pernice I. Multilevel Constitutionalism in the European Union. Walter Hallstein-Institut – Paper 5/02. 15 p.
62. Pernice I. The Treaty of Lisbon: Multilevel Constitutionalism in Action. Columbia Journal of European Law, Vol. 15, No. 3/2009. P. 349-407.
63. Proposal for a Council Decision on the determination of a clear risk of a serious breach by the Republic of Poland of the rule of law. COM/2017/0835 final. Brussels, 20.12.2017.
64. Proposal for a Council Decision on the determination of a clear risk of a serious breach by Hungary of the rule of law. ST 12266 2018 REV 1. Brussels, 20.09.2018.
65. Rech W. Some remarks on the EU's action on the erosion of the rule of law in Poland and Hungary. Journal of Contemporary European Studies, Volume 26, 2018 – Issue 3: Special Issue: Erosion of the Rule of Law in East Central Europe. P. 334-345.
66. Regulation (EU, Euratom) 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget // OJ L 433I, 22.12.2020. P. 1–10.
67. Rule of law framework URL: https://ec.europa.eu/info/policies/justice-and-fundamental-rights/upholding-rule-law/rule-law/rule-law-framework_en (Дата обращения: 21.09.2022).
68. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 // OJ C 306, 17.12.2007. P. 1–271.

Сведения об авторе

Лебедева Яна Игоревна – младший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / lebedeva.ioanna@yandex.ru
Адрес: 117218, д. 34, ул. Б. Черемушкинская, Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Lebedeva Iana I. – junior research fellow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation / lebedeva.ioanna@yandex.ru
The address: 117218, 34, B. Cheremushkinskaya st, Moscow, Russian Federation.